

Корпорация толкователей

В Бразилии человека с ученой степенью не могут посадить в камеру с простыми уголовниками, даже если он подозревается в убийстве. В современной России человека с ученой степенью пока не призывают на срочную службу в армию. О древних традициях университетской корпорации и о социальной магии, связанной с получением высшего образования, мы побеседовали с историком Павлом Уваровым.

— Павел Юрьевич, в одной из своих лекций вы рассказывали о том, что в 1208 году возник регламент, который подробно описывал организацию похорон членов университетской корпорации. Существует мнение, что человечество ведет свою историю с того момента, как люди начали хоронить своих предков. Можно ли это соотнести с историей университета?

— Университет — это корпорация. А всякая средневековая корпорация, как об этом очень хорошо написано в книге Отто Герхарда Эксле¹, — сообщество равных субъектов, основанное на клятвенном союзе, а также сообщество живых и мертвых. Этот союз и создается во многом для того, чтобы человек чувствовал себя и в загробном мире уверенным, что за него будут молиться. Иными словами, мертвые члены корпорации тоже являются ее членами. В первую очередь похороны и молитвы за помина души, а во вторую — улаживание споров, поддержание мира с соседями и проведение праздников являются основой корпоративности в Средневековье. Не удивительно, что именно с этого начинаются и первые попытки самоописания университета.

— С какого момента можно говорить о зарождении университета именно как корпорации?

— Поначалу «университетом» называлась всякая корпорация, не обязательно научная. Корпорация лодочников или городская коммуна тоже могли называться «universitas». Постепенно университетами

стали называться именно научные объединения, это происходит в начале XIII века, когда они обзаводятся своими первыми статутами и печатями. Все, что было раньше, это предуниверситетская ситуация, из которой университеты могли вырасти, а могли и не вырасти.

— **Все ли первые университеты были напрямую связаны с церковной корпорацией?**

— В европейском Средневековье все было связано с церковью. Иначе и быть не могло. Это было время, когда Запад стал Западом, действительно типологически отличным от всего остального. Шел XI век, церковь приобрела свой классический средневековый вид (римский папа и знакомая нам церковная иерархия) и противостояла императору. В это время складывается большая группа людей, преподающих и изучающих

Существовал повсеместный социальный заказ на интеллектуалов — людей, которые умеют мыслить и объяснять происходящее. И некоторые из них делали очень неплохую карьеру, становясь кардиналами и даже римскими папами. Интеллектуал, конечно, не мог стать королем или герцогом, но он мог сделать карьеру в церковной иерархии и служить и императору, и королю.

логику, риторику и грамматику. Многие из них идут дальше: читая переводы научных текстов с греческого и арабского, они пытаются согласовать с законами логики богословие, право и медицину. Но всех их, даже тех, кто изучал римское право, чаще всего именовали клириками, как и церковнослужителей. Других грамотных людей тогда, в общем-то, не было. Хотя среди таких «клириков» были и миряне, не собиравшиеся в дальнейшем становиться священниками, но пока они учились, они пользовались такими же привилегиями, как и церковнослужители. Церковь оказывала им покровительство, поэтому клирики чувствовали себя совершенно защищенными, а часто и безнаказанными (не стоит забывать, что среди них было много очень молодых людей, лишь недавно оторвавшихся от домашней опеки и запретов).

— **Кто был социальным заказчиком такого количества толкователей римского права?**

— Это современный функциональный подход к образованию предписывает наличие точного социального заказа: нужно такое-то количество специалистов по такой-то дисциплине. Правда, жизнь показывает, что и сегодня никто не торопится выполнять этот заказ.

Конечно, в то время такое количество специалистов по праву не было нужно — хотя бы по той причине, что не было ни системы

римского права, ни государства, которое бы жило по этому праву и им пользовалось. Так что это была собственная логика развития самостоятельной интеллектуальной среды.

Клирики жили своей собственной жизнью, и они не рецепировали римское право, а придумали его, соединив вещи, которые до этого никому в голову не приходило соединять: формальную логику Аристотеля и римское право. Точнее, клирики подвергли римское право истолкованию с позиции формальной логики. Они придумали «машину мышления». Как она работала? Брался какой-то предмет, и проводилась дистинкция². Например, при рассмотрении убийств они разделялись на умышленные и неумышленные. Непредумышленные убийства, в свою очередь, подразделялись на несколько категорий, и т.д. С помо-

Сама так называемая «национальная идея», идея о том, что мы — это и есть «мы», рождается в среде университетской элиты, которая по своей сути всегда должна быть открыта миру и считать себя космополитичной. Это один из парадоксов, который повторяется из века в век.

стью силлогизмов выстраивались классификации, затем сопоставлялись мнения авторитетных юристов и подбирались непротиворечивые объяснения, а в случае конфликта между авторитетами выносилось особое суждение — сентенция. Свод законов императора Юстиниана постепенно обрастал все большим числом комментариев, которые записывались на полях основного текста. Такие комментирующие толкования назывались «глоссами», и юристов в XI—XIII веках называли «глоссаторами».

Кому могли быть нужны думающие люди в Средневековье? Во-первых, римской курии: ей были нужны люди, которые могли составлять правовые документы. (Следующие поколения глоссаторов в середине XII века создадут еще более интересное изобретение — церковное каноническое право. Если римское право хотя бы формально существовало в Риме, то канонического права до этого никогда не было.) Во-вторых, они были востребованы императором — он иногда мог обращаться к ним за советом, ведь клирики фиксировали феодальные и городские обычаи.

Параллельно создавалась логически непротиворечивая система доктрин в теологии. Как быть, когда высказывания нескольких религиозных авторитетов по одному и тому же вопросу явно противоречат друг другу? В богословии начала действовать та же логика, что и в праве.

Существовал повсеместный социальный заказ на интеллектуалов — людей, которые умеют мыслить и объяснять происходящее. И некоторые из них делали очень неплохую карьеру, становясь кардиналами

и даже римскими папами. Интеллектуал, конечно, не мог стать королем или герцогом, но он мог сделать карьеру в церковной иерархии и служить и императору, и королю.

— **Были ли в то время студенты и преподаватели единой корпорацией? Или их интересы противостояли друг другу, как это нередко происходит в современном университете?**

— Они были единой корпорацией, но и противостояли друг другу. Один преподает — другой слушает, один платит — другой получает плату. Но в Болонье именно студенты заключили между собой клятвенный союз, чтобы защищать друг друга в случае конфликтов с горожанами, улаживать внутренние споры и, в том числе, контролировать преподавателей. Потому что преподаватель может, например, недобросовестно читать лекции.

— **Как производилась оплата в средневековых университетах?**

— Вопрос об оплате всегда щекотливый. На этом спотыкалось даже каноническое право. С одной стороны, платить надо. С другой стороны, «знание — дар Божий и продаваться потому не может». Знание, как и время, принадлежит Господу. Если я хочу получить деньги за знания, значит, я претендую на то, что мне не принадлежит. И значит я — жулик.

Но эта эпоха всегда находила выход из создавшегося противоречия, не вводя среднее арифметическое, а, наоборот, акцентируя крайности. Рассуждали по этому поводу очень много. С одной стороны, нельзя не платить, с другой стороны, знания нельзя продавать, но кормить-то надо человека чем-то. Еще апостол Павел сказал: какой воин служит на своем содержании?

Значит, платить все-таки нужно. Третий Латеранский собор, 1179 год. Папа Александр III, сам в прошлом преподаватель Болоньи, решает, что надо брать деньги за так называемые «лукративные» (практические, связанные с выгодой) науки — медицину и право. Но философия и теология должны преподаваться бесплатно и существовать за счет той церковной епархии, к которой прикрепляется каждый преподаватель и которая выплачивает ему содержание.

Существовали и другие пути, более приближенные к современным реалиям. Каждый год университет писал списки — «ротулы», нечто вроде современных заявок на гранты. Список направляли в Рим или в Авиньон, откуда присылали требуемые суммы. Это тоже делало преподавание важнейших дисциплин бесплатным.

Был и еще один механизм оплаты университетских нужд. Уважаемый человек, получивший когда-то образование и добившийся высокого положения (например, ставший кардиналом), создает коллегию, в которой кто-то из его земляков учится за деньги, а кто-то — бесплатно. Он предоставляет в распоряжение коллегии земельные участки, с которых она получает доход, и на эту прибыль обучаются студенты. Из нее же выплачивается плата преподавателям.

Мне довелось держать в руках то, что сейчас называется авторефератами диссертаций, которые относились к XVI веку. При их оценке действовали критерии, примерно соответствующие нашим сегодняшним. Например, у нас есть критерий новизны исследования. И там можно было встретить оценочные высказывания, в которых говорилось, что данное исследование заслуживает быть засчитанным как диссертация, потому что в нем нет ничего нового. Божественные знания нужно передавать, а не сочинять что-то свое.

Зачем это нужно уважаемому человеку? Можно предположить, что для того, чтобы иметь собственную клиентулу и в нужный момент рекрутировать для своей партии умных молодых людей. Иногда так и происходило. Но намного чаще уважаемый человек создавал такую коллегия перед самой своей смертью. Так что тут действовал другой расчет.

В конце XII — первой половине XIII века на Западе все более укрепляются представления о существовании Чистилища, хотя статус официального догмата Католической церкви это учение получит лишь в XV веке. Ведь изначально Чистилища не было, оно рождается из смутных идей раннего Средневековья об очищающем огне. Оказаться в Чистилище очень плохо. Но надежда на спасение остается, поскольку человек попадает туда не навсегда, а лишь до той поры, пока не искупит свои грехи. И если на земле за него будет сильное молитвенное заступничество, то в Чистилище ему будет куда легче. Молитвенное заступничество, конечно, не может изменить божественного предопределения. Если человек предопределен к спасению или к гибели, то тут уж ничего не сделаешь. Но если живые будут постоянно молиться за мертвых, то сократить срок мучений, облегчить участь можно. А кто будет за тебя молиться? Семья? Но ведь род может пресечься. Монастырь? Но ведь и он может быть разрушен или прийти в упадок, а монахи могут нерадиво исполнять свой долг. Одним из действенных способов решения этой проблемы и было устроить университетскую коллегия для бедных студентов. Многие поколения бедных студентов — как правило, из числа земляков дарителя, — будут бесплатно проживать в ней во время своего обучения и возносить предписанные в уставе молитвы за основателя. И сколько будет существовать коллегия — столько они и будут молиться.

Эта практика оказалась настолько устойчивой, что сохранилась даже после Реформации, когда представления о существовании Чистилища протестантами были отвергнуты, и перешла в университеты Нового времени, правда, приобретя другие измерения — корпоративные и престижные.

10

Почему выпускники и сегодня помогают своим? Они уже не боятся Чистилища, но так принято делать. Это одна из интересных традиций, которая пришла из Средневековья и жива по сей день. Можно только удивляться удивительной устойчивости таких вещей. Меняются эпохи, меняется университет, но что-то, что не зависит напрямую от конъюнктуры, остается.

Но не будем идеализировать корпоративное сознание, которое активно существует и в наши дни. Традиции университетской академической жизни не всегда играют позитивную роль. Корпоративизм может блокировать появление новых идей, брать под защиту какие-нибудь одиозные произведения — может, все и понимают, что они плохи, но люди, которые их написали — «наши люди», и мы не позволим на них нападать. А если во главе корпорации угнездится какая-нибудь одиозная личность, ее будет очень трудно снять.

Но при всей своей корпоративности университет должен быть открыт миру. Например, главный принцип болонского процесса — конвертируемость дипломов. Но в Средние века она осуществлялась благодаря единству христианского мира и тому, что привилегию выдает римский папа. И если где-нибудь в Праге не признавали выпускника Оксфорда,

то он мог пожаловаться в Рим на то, что в Праге не уважают власть папы. И пражский университет был бы вынужден идти на попятную: мол, не разобрались сразу, нас неправильно поняли...

— **Получается, что университет изначально создавался по принципу транснациональной корпорации?**

— Конечно! Но самое интересное состоит в том, что он быстро «национализируется» и начинает одновременно играть две роли — интернациональную и национальную. Откуда выходят ревнители и хранители на-

Почти никто не знает, что Фома Аквинский был сыном графа, Жан Жерсон — сыном крестьянина, а Эразм Роттердамский — незаконнорожденным. А ведь они жили в средневековом обществе, очень чувствительном к факту происхождения. Но все эти люди были носителями другого социального качества — они были учеными. Сработала «социальная магия»: их можно было ругать, что они встали не на ту позицию, но никто не стал бы ругать их за их происхождение. Это важная функция университета, которая актуальна до сих пор.

ционального единства? Из университета! Откуда выходят Ян Гус, Джон Уиклиф³, Лютер? Все они университетские преподаватели. Кто такие славянофилы? Выпускники Московского университета. Сама так называемая «национальная идея», идея о том, что мы — это и есть «мы», рождается в среде университетской элиты, которая по своей сути всегда должна быть открыта миру и считать себя космополитичной. Это один из парадоксов, который повторяется из века в век.

— **Считается, что наука зародилась и развивалась в стенах университета. В какой момент они разделились?**

— Этот тезис можно оспорить. Если наукой называть институт по производству нового знания, то университеты никогда не были научными центрами. Их основывали совсем не для того, чтобы производить новое знание. Мне довелось держать в руках то, что сейчас называется авторефератами диссертаций, которые относились к XVI веку (это вообще очень старый жанр). При их оценке действовали критерии, примерно соответствующие нашим сегодняшним. Например, у нас есть критерий новизны исследования. И там можно было встретить оценочные высказывания, в которых говорилось, что данное исследование заслуживает быть засчитанным как диссертация, потому что в нем нет ничего нового. Божественные знания нужно передавать, а не сочинять что-то свое.

Университет для чего нужен? Для передачи знаний. Для их охраны от неверных и невежественных толкований. Роль университета — это скорее роль хранителя, эксперта и ретранслятора.

На самом же деле, в университете вырабатывались нормы. Мы даже не представляем, насколько это тогда было важно. Римский папа Иннокентий IV сам бы юристом и придумывал свои комментарии к своду канонического права. А как сделать так, чтобы во всех церковных судах приняли эти правила? Печатного станка еще не было. Единые циркуляры некуда и некому рассылать, да и не было у него такого штата писцов и сети курьеров, чтобы доставить предписания в каждый суд по всему христианскому миру, да еще контролировать их исполнение. И тогда он обращается к университетам. Он исходит из того, что там будут это воспроизводить, включают в университетскую программу, и через поколение люди уже будут знать эти поправки и принимать их как должное. Это скорее трансляция, адаптация — но не выработка нового знания.

Университетская научная среда была призвана разъяснять и уточнять смысл незыблемых традиций в меняющемся мире. Например, ростовщичество было строго запрещено церковью. Но клирики разработали учение о каноничном проценте. То есть учение о том, что в принципе нельзя, но чуть-чуть можно и даже нужно. Главное — не зарываться.

Функционально университет не создавался для производства знания. Но развитию науки способствовало создание интеллектуальной среды вокруг университетов. Может ли наука выйти за университетские стены? Да только там она и может развиваться!

Или возьмем медицину, в которой всегда строго следовали традиционным принципам и рецептам. Но вот появляется огнестрельное оружие. Ни Гален, ни Гиппократ ничего не писали про огнестрельные раны, и никто из врачей не знает, что с ними делать, как их лечить. И тогда в университетах мало-помалу вырабатываются поправки и дополнения к классическим рецептам.

Функционально университет не создавался для производства знания. Но развитию науки способствовало создание интеллектуальной среды вокруг университетов. Может ли наука выйти за университетские стены? Да только там она и может развиваться!

— **Современные университеты — по большей части светские учреждения. И ценится чаще всего диплом государственного образца. Как изменился в связи с этим смысл университетской институции?**

— По существующим неписанным правилам университетский корпоративизм выражается в том, что университеты выдают степени благодаря

внутренней независимой экспертизе. Но учет этих степеней и обеспечение подходящего социального статуса их обладателей изначально зависели от папской власти и власти государя. В современной Европе к этому подключились надгосударственные структуры: логика болонского процесса заключается в том, чтобы в образовании не было национальных границ, а действовали бы универсальный зачет и конвертируемость образования. Но признание со стороны национальной или наднациональной власти все равно должно быть.

Ведь главное, чтобы университет мог воспроизводить функцию социальной магии: пришел человек в одном качестве, а ушел — в другом. Произошло чудо. Почти никто не знает, что Фома Аквинский был сыном графа, Жан Жерсон⁴ — сыном крестьянина, а Эразм Роттердамский — незаконнорожденным. А ведь они жили в средневековом обществе, очень чувствительном к факту происхождения. Но все эти люди были носителями другого социального качества — они были учеными. Сработала «социальная магия»: их можно было ругать, что они встали не на ту позицию, но никто не стал бы ругать их за их происхождение. Это важная функция университета, которая актуальна до сих пор.

— Это магия окультуривания?

— В современной Бразилии человека с ученой степенью не могут посадить в камеру с простыми уголовниками, даже если он подозревается в убийстве. У нас человека с ученой степенью пока не призывают на срочную службу в армию. Рационально это никак не объясняется. Поэтому я настаиваю на том, что социальная магия — это не обязательно окультуривание. Это придание человеку иного социального статуса. Именно это и в наши дни является главной социальной функцией университета.

1
«Действительность и знание. Очерки социальной истории Средневековья» (рус. пер. — 2007)
2

Дистинкция (от лат. *distinctio* — различение) — термин, обозначающий познавательный акт, в процессе которого фиксируется различие между предметами и явлениями действительности или между элементами сознания.

3
Джон Уиклиф (ок. 1320 — 3 дек. 1384) — английский реформатор. Учился и преподавал в Оксфорде.

4
Жан Жерсон (1363 — 1429) — французский католический богослов и церковный деятель, канцлер Парижского университета (с 1395 г.), реформатор системы образования.